

ТРАДИЦИОННОСТЬ И НОВАТОРСТВО В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ: МНОГООБРАЗИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Владислав Келле

Историческое многообразие как проблема методологии

Изучение и объяснение многообразия исторического процесса – фундаментальная проблема исторической науки. Прямое и непосредственное отношение к этой теме имеет и социальная философия, поскольку от нее во многом зависит качество того методологического инструментария, которым будут пользоваться историки. Методология в процессе познания выполняет две основные функции. С ее помощью субъект познания фиксирует фрагмент реальности как предмет исследования. И, во-вторых, методология, исходя из имеющейся в ее распоряжении картины мира, определяет общую направленность конкретного познавательного процесса.

Требует пояснения также выражение «историческое многообразие». Конечно, речь не идет просто об эмпирическом многообразии. В триаде «общее–особенное–единичное» выделим *особенное*. Оно обозначает исторически значимое многообразие в массовых процессах. Проблема соотношения единства и многообразия истории в логике выступает не только как единое и многое, но и как соотношение общего и особенного. Особенное связано с чувственным эмпирическим миром и одновременно является продуктом абстракции.

И культура, и история – творение людей, процесс и результат их деятельности, в том числе творческой. А творчество есть всегда *созидание нового*. Ныне существо этого творческого начала требует переосмысления. Дело в том, что развитые страны в ка-

честве главного вектора своего экономического развития избрали путь создания *инновационной экономики*. Это означает, что человечество доросло до такого уровня, когда творчество становится повседневной нормой и императивом производственной деятельности. Такого в истории еще не было.

Россия включается в этот процесс. Начало нового тысячелетия ознаменовалось для нее важнейшим событием (которое, правда, для многих прошло незамеченным, а некоторые отнеслись к нему весьма скептически) – судьбоносным стратегическим выбором инновационного пути развития. На самом высшем уровне было официально объявлено, что нет у России иного пути, кроме создания инновационной экономики.

Полагаю, что все это дает основание посмотреть в исторической ретроспективе, как формировалось многообразие истории, какие периоды человечество пережило, поднимаясь на современный уровень созидания нового.

Автор исходит из того, что собственно история человечества началась с переходом к цивилизации и появлением письменности, что истории предшествуют периоды доистории и предыстории.

Доистория

Становление культурного многообразия

Первобытная культура очень консервативна и в обычных условиях практически не приемлет новаций. Их появление всегда связано с какими-то внешними влияниями на жизнь первобытного коллектива.

Началом культуры можно считать появление у предка человека орудий труда – предметов природы, обработанных им для выполнения определенных функций. Их появление наука оценивает как решающий шаг в его выделении из животного мира. Биологическая эволюция для него еще продолжалась. Но теперь биология начала работать на создание *человеческого* организма (прямохождение, развитие руки, мозга, органов речи и т.п.), формируя живое существо, способное *творить культуру*, создавая тем самым предпосылки для его постепенного отделения от животного мира.

Как живой организм человек включен в биосферу Земли. Но есть грань, принципиально отделяющая его от всей остальной биосферы, – его *универсальность*. Человек универсален в двух отношениях. Во-первых, развитие способности к труду и наличие культуры способствовали освобождению его организма от жесткой привязки к узким естественным условиям существования. Во-вторых, универсальность человека выражается в его способности к объективному познанию мира. Эта способность также формируется в процессе труда.

Для диких животных объект существует как пища или опасность, т.е. будучи соотнесен с его биологическими потребностями или инстинктами. В ходе трудовой деятельности человек вступает в принципиально иное отношение с природой. Труд порождает потребность в познании природных объектов, их свойств самих по себе. Именно на этой когнитивной основе создаются средства деятельности, с помощью которых можно достигать желаемых результатов – производить и использовать орудия труда, предметы быта, добывать пищу и т.д., возможны адекватная реакция на свойства и воздействия окружающей среды, сами целесообразные действия. *Без объективных знаний* сознательная целесообразная деятельность – тот вид активности, который присущ только человеку, была бы невозможна.

Особенности и потребности практического материального взаимодействия с природой явились мощной детерминантой социогенеза, ибо труд объединял людей, и в процессе труда складывались общественные отношения, а также формировалась психика человека, развивалось логическое мышление, связанное возможностью абстрагирования и оперирования представлениями и понятиями, с сознательной постановкой целей. Процесс этот длился миллионы лет и *Homo sapiens* уже мог пользоваться его плодами.

Однако человеческая активность по отношению к природе в условиях первобытности создавала предпосылки не только для обретения знания, но и для появления иллюзорного мифологического сознания. Как это понять?

Взаимодействуя с природой, человек первоначально, как известно, не выделял себя ни из природы, ни из коллектива. Это выражалось в самых разнообразных формах, но их общей основой было то, что свою собственную активность, свое деятельное

начало он находил и в природе. По его представлениям, природа активно реагирует на действия людей, ей присущи стремления и желания, а предметы природы – также продукты чьей-то деятельности. Следствием именно этой бессознательной установки было перенесение на природу человеческих качеств, анимизм и антропоморфизм.

По мере того, как в ходе антропогенеза труд, как практическая орудийная деятельность, расширял пространство для творчества культуры, происходило постепенное затухание биологической эволюции человеческого организма. Но ее завершение стало для человека не прекращением его дальнейшего развития, а переходом на уровень социокультурного развития человеческого общества.

Появление и закрепление нового, преемственная связь, образующая непрерывную нить развития, – элементы любого процесса развития. Их в специфическом виде включал в себя механизм биологической эволюции. Человеческий мир, выйдя за ее пределы, обрел для осуществления этой функции *надбиологические механизмы культуры*, тем самым принципиально изменив сам тип эволюции, в результате чего перед ним открылись новые грандиозные возможности и перспективы.

Вероятно, *Homo sapiens* возник где-то в одной точке, и постепенно заселил планету. Функция адаптации к среде перешла *от биологии к культуре*. Адаптивная роль культуры ярко проявилась в эпоху первобытности, поскольку позволяла приспосабливаться к разнообразным условиям среды в пространстве и ее изменениям во времени. Именно культура предоставила людям возможность существовать в самых разных климатических условиях, расселиться по разным регионам и континентам, расширив до планетарных масштабов область ойкумены.

Домом человечества стала вся Земля. При этом каждое человеческое сообщество способ своего существования адаптировало к конкретным условиям среды – климату, характеру пищи, условиям обитания и т.д. Если на биологическом уровне приспособление состояло в изменении самого организма (например, вид и разновидности), то у человека менялись способы существования и деятельности, т.е. менялась культура. Изменения биологические тоже имели место, но были столь несущественны (цвет кожи, разрез глаз и т.п.), что для эволюции значения не имели. Но если

культура служила средством адаптации к различным и меняющимся условиям среды, то *культурное многообразие изначально было свойственно человечеству*.

Многообразие культур соотнесено в первую очередь с разнообразием природных условий существования людей. Каждая культура формируется в процессе приспособления человека к окружающим условиям, является продуктом его адаптации к среде обитания. Это приспособление оказывается по-своему совершенным и тонким. Но эта своеобразная адекватность оборачивается консервативностью. Если среда остается постоянной, то у культуры не возникает внутренних стимулов к развитию¹. Это касается особенно тех культур, которые относительно изолированы от воздействия других более развитых обществ. Например, островные культуры или культуры племен, живущих в джунглях, как бы застывают в своем бытии и могут пребывать в таком состоянии века и тысячелетия. Этим, в частности, можно объяснить, почему до нашего (или недавнего) времени сохранились сообщества людей каменного века. К сожалению, «встреча» с цивилизацией для них имела в большинстве случаев трагические последствия: работорговля в Африке, история вымирания аборигенов Северной, Центральной и Южной Америки и т.д.

Общие черты и многообразие особенных культур обусловлены также единством происхождения и многообразием потребностей субъекта – человека как деятельного биосоциального существа. Ученые обнаружили удивительное сходство, всеобщее распространение некоторых компонентов и материальной и духовной культуры. Такое единство наблюдается применительно к примитивным орудиям и оружию, украшениям и предметам быта. Ножи, топоры, дубины, копья, средства метания камней или дротиков имеют всеобщее распространение. Похожие браслеты, подвески (серьги и др.), кувшины встречаются у племен, никогда не вступавших в общение. Конечно, имеются региональные особенности (бумеранги у австралийцев), но это не меняет общей картины.

Также все примитивные культуры строятся на основе магии, знахарства, обрядов и ритуалов, которые сопровождали все проявления жизни первобытного человека от рождения до смерти. Добывание пищи (охота, рыболовство, собирательство), отношения полов, рождение и смерть человека, уход из жизни, конечно, не

могли не подвергаться мифологической интерпретации, не порождать разнообразные мифы и связанные с ними обряды и ритуалы, определявшие и обуславливающие соответствующее восприятия мира. Этот слой культуры влиял и на действия людей, подчас в большей степени, чем объективные свойства самой реальности.

Таков был первый вид культурного многообразия, становление которого относится еще к доистории человечества.

Предыстория

Становление исторического многообразия

Началом предыстории явилось разъединение первоначально слитых друг с другом биологической, культурной и социальной сторон жизни общества. Этот перелом был вызван грандиозным событием в жизни всего человеческого рода – неолитической революцией, содержанием которой было создание шлифованных (неолитических) орудий, т.е. новых технологий, и переход к *производящей* экономике – земледелию и скотоводству – которая уже не укладывалась в рамки родового строя.

Неолитическая революция задала вектор развития всей последующей истории человечества.

Эволюция прежних форм организации общественной жизни во многом зависела от роста населения. Родовой строй перерос в родоплеменной, затем появились союзы племен. На этом расширение сферы биосоциальных отношений завершилось. Начался распад родового строя. Место рода и племени у земледельцев заняла сельская соседская община, т.е. объединение людей, не связанных узами родства. Произошел разрыв родственных связей и их замена экономическими и социальными отношениями в рамках земледельческой общины, народности, этноса, а принцип родства продолжал действовать в сфере семейных отношений. Однако пережитки родовых связей, как правило, сохранялись весьма длительное время.

Предметы материальной культуры, созданные человеком для воздействия на природу с целью извлечения средств существования, превращаются в производительные силы общества, решаю-

щим образом воздействующие на характер социальных отношений, в которых главную роль стали играть отношения собственности. Общественное разделение труда и рост производительности труда вызвали обмен продуктами и накопление излишков, появление обмена, рынка, денег, богатства, захватов и грабежей. Уже не скальп противника, а захват его богатств становится свидетельством военной победы. Возникла и быстро реализовалась возможность экономического неравенства. Рассыпалось первобытное равенство. А оно было одним из условий существования этого общества.

Если в период доистории происходило становление культуры и формирование ее многообразия, то предыстория – это становление и формирование первоначального многообразия *общественных отношений*. Их отделение от биологических было процессом постепенным, но безвозвратным. Их доминантой становился характер трудовой деятельности человека, определяемый используемыми средствами труда.

Известно, что перенесение биологических отношений на общество и подмена ими отношений социальных, типична для некоторых биологизаторских теорий (социал-дарвинизм, социобиология и др.). С другой стороны, этологи, например, склонны социальные отношения переносить в животное стадо. Но то и другое неприемлемо. Говорить можно о переходе от биологических связей к социальным отношениям, об их взаимодействии, но не о подмене или отождествлении.

Более зримо эта идея иллюстрируется на материале культуры. Как мы видели, адаптивная функция биологической эволюции переносится на культуру, и это совершенно меняет характер самой эволюции. Адаптация осуществляется с помощью совершенно иных механизмов и приводит к иным результатам. Этот же ход мысли полностью применим, когда речь идет о *переходе* от биологических связей в животном мире и общественных отношениях в мире человеческом. Биологические связи регулируют отношения, например, в стаде животных, опираясь на биологические потребности и используя биологические механизмы. В обществе социальные связи регулируют отношения между людьми, используя социальные механизмы. Конечно, от биологии человек уйти не может. Он – живое существо. Но биология присутствует здесь в снятом виде.

Если первоначальное многообразие культур имеет своей основой *пространственное* многообразие планеты, по которой расселялся человек, то *историческое* многообразие вырастает, когда к нему добавляется *развитие во времени*. Следствием их объединения является *неравномерность* исторического развития. Одни народности или этносы забегают «вперед», когда условия для их развития более благоприятны для развития земледелия или скотоводства, другие отстают, в одних местах расширяются экономические связи, обмен, торговля, другие живут более изолированно, в одних регионах идут разорительные войны, другие более спокойны и т.п. *Неравномерность* является одним из существенных источников исторического многообразия. Адаптация здесь тоже имеет место, но приспособление идет не к природе как таковой, а к условиям существования, созданным человеком, к его деятельности и ее результатам.

Для рассматриваемой методологической проблемы весьма существенно различие между творчеством культуры и творчеством истории. На первый взгляд, кажется, что оно очевидно. Одно дело – создание художником произведения искусства, и совсем другое – принятие политического решения, влияющего на судьбы миллионов людей, или какое-то массовое движение. Но ясное на быденном становится весьма замутненным на теоретическом уровне. Согласно некоторым концепциям, деятельность как таковая является последней инстанцией исторического развития, как это имеет место в творчестве культуры. Поэтому эмпирически очевидное различие на уровне теории требует концептуального решения. Рассмотрим эту тему.

С созданием художником нового произведения еще не завершается культуротворческий процесс. Произведение должно пройти испытание массовой и профессиональной критической оценкой, доказать свое право войти в состав культуры – памяти человечества. Иначе говоря, происходит отбор, в ходе которого отбрасывается, предается забвению все, что не удовлетворяет действующим критериям.

Модель исторического творчества совершенно другая. Действие здесь также не является последней инстанцией. Творчество человека вносит нечто новое и производится его отбор. Но включается это действие в историю или нет, вызывает какие-то последствия или

бесследно исчезает, определяется не только сознательно, но и вне, и помимо воли и сознания людей, под влиянием силы, сложившейся как некая равнодействующая множества волей, как детерминированная чем-то непредвиденным, случайным. Человек должен считаться с объективными силами, условиями, закономерностями, чтобы действовать успешно. Иначе результаты будут обратными поставленным целям.

Какое бы многообразие в объективной реальности мы ни рассматривали, оно всегда будет обозначать один полюс. Другим полюсом является единство. Одно предполагает другое. *И культура, и история представляют собой единство многообразия.* Выделение какой-то одной стороны всегда есть результат абстрагирования от другой, т.е. оно возможно только в познании.

Наконец, следует иметь в виду, что практика двояка. Она складывается из продуктивной, творческой, креативной и репродуктивной, алгоритмичной стандартизированной деятельности. Уникальные результаты творчества культуры тиражируются, чтобы они вошли в культуру. Повседневное бытие людей требует постоянного воспроизводства необходимых благ и условий жизни. Продуктивная деятельность всегда сопровождается репродуктивной. Творческие огоньки вспыхивают в *отдельных точках* общего процесса социального воспроизводства.

История

Традиционные цивилизации

Экономической основой традиционного общества является ремесло и земледелие, использующее ремесленные орудия труда, а производственные технологии формируются здесь на основе чисто эмпирических обобщений, не связанных с научным знанием. Сами знания носят рецептурный характер. Средства сообщения и товарное производство развиты слабо, народы и страны живут своей жизнью, обособленно. В сельской местности доминирует натуральное хозяйство. Образ жизни застойный – из года в год один и тот же цикл, задаваемый природой.

Но культурное и социальное разнообразие намного богаче по сравнению с предшествующей эпохой. Отделение города от деревни, умственного труда от физического, выделение торговли в самостоятельный вид деятельности, возникновение государства и всего политико-правового комплекса с его формами организации – все это открыло принципиально новые возможности для развития общества и его культуры.

Здесь особо нужно сказать о создании письменности. Эта новация впервые позволила эпохе выразить самой и сделать доступной другим свой субъективный мир, зафиксировать и обозначить события, которые повлияли на жизнь данного общества, назвать имена действующих лиц.

Дописьменные времена не были полностью немymi. По остаткам материальной культуры можно было судить об образе жизни первобытного человека, но ни его язык, ни его мысли и переживания не были доступны, оставались скрытыми в толще времени. Вместе с письменностью голос эпохи прорвался к нам через эту толщу, правда, только знаками, но не звуками. Но это и стало подлинным началом истории.

Вообще, цивилизация – это способ существования людей в условиях общественного разделения труда. Она представляет собой социокультурное образование, объединяющее людей с помощью определенной и достаточно сильной и развитой культуры. Именно культура является формообразующим началом цивилизации.

Доиндустриальное общество, о котором сейчас идет речь, скрепляется устойчивыми традициями, мало поддающимися изменению. Новации здесь редки, они отвергаются, ибо изменения нарушают традиции, разрушают сложившийся уклад жизни. Поэтому доминирует консервативная традиция. Общество сопротивляется нововведениям.

Из всех форм духовной культуры выделяется религия как главная господствующая и всеобъемлющая форма, подчиняющая и преобразующая на свой лад все остальные. Мораль, право, искусство могут свои функции выполнять лишь с санкции религии и в угодных ей способах проявления. Поэтому нет ничего удивительного в том, что А. Тойнби, развивший одну из самых популярных концепций локальных цивилизаций, делил их на основе различий в доминирующих религиях. Выбору этого критерия способствовало также то, что сам он был человеком религиозным.

Наиболее интенсивно теории локальных цивилизаций развивались, начиная со второй половины XIX в. Они акцентировали внимание на *многообразии* культурно-исторических целостностей, выделяли социальное значение культуры, ее влияние на ход истории, считали каждую культуру особенной, неповторимой, самодостаточной и самоценной, а развитие истории рассматривали как развитие и смену локальных культур и цивилизаций. Проблема *единства* исторического процесса либо оставалась в тени, либо отрицалось само наличие такого единства. Поскольку авторы этих концепций придерживались различных социально-политических ориентаций, сами эти теории нельзя связывать с какой-то конкретной политической программой. А в чисто когнитивном плане их заслугой можно считать, что они способствовали утверждению идей социальной значимости и равенства различных культур, их права на существование. Но отрицание или недооценку идеи единства исторического процесса историческая наука не принимает. Поэтому утвердилось критическое отношение к концепциям локальных цивилизаций. Признается, что они содержат ценные для науки идеи, но в целом их подход к истории не может быть положен в основу теории исторического процесса, прежде всего потому, что направлен против признания его единства. С другой стороны, распространенной в прошлом ошибкой являлась трактовка единства исторического процесса как однолинейного развития, отрицание вариативности истории.

Каждая локальная цивилизация переживает свой цикл развития: возникновение–расцвет–старение–гибель. Некоторые цивилизации гибли в результате завоеваний или по другим причинам, не пройдя полный цикл. Идея цикличности присутствует не только в цивилизационных теориях. Задолго до их появления Д.Вико в своей философско-исторической концепции проводил мысль, что каждый народ переживает детство, юность, зрелость и старость. Для цивилизационного подхода эта идея оказалась очень продуктивной. Она позволила разделить все цивилизации на живые и мертвые. У А.Тойнби, например, из признанных им 21 цивилизаций подавляющее большинство являются уже мертвыми. Но каждая цивилизация внесла свою лепту в культуру, в многообразие исторического процесса, оставила в нем собственный, неповторимый след.

Техногенные цивилизации

Эпохи Возрождения, Просвещения и промышленная революция, начавшаяся в Англии в конце XVIII в., заложили социокультурные и технологические предпосылки для формирования цивилизации *нового типа*, получившей ныне название *техногенной*². Переход от традиционной к техногенной цивилизации происходил в рамках европейской цивилизации, но с самого начала вышел за локальные рамки. Речь шла не о переходе к иной локальной цивилизации, а о формировании совершенно нового *типа цивилизационного развития*, который мог стать новой базой для становления целой группы техногенных цивилизаций. Принятие этой точки зрения позволяет переинтерпретировать всю историю последних столетий³.

Цивилизация нового типа обладала рядом особенностей, которые позволили ей за короткий исторический срок занять ведущее место в мире. Прежде всего, в отличие от традиционного общества техногенная цивилизация ориентирована на постоянное движение, изменение существующей материальной базы, на ассимиляцию новаций. Они не разрушают это общество, а являются условием его нормального бытия. Напротив, остановки в развитии ведут к застою, стагнации, распаду. Соответственно, в нем появляются новые системы ценностей и формируется новый тип личности.

Цивилизация нового типа соединяет техническое преимущество перед всеми формами традиционных обществ, которое давало индустриальное производство, со стремлением к внешней экономической экспансии и агрессивностью, к захвату новых земель и эксплуатации покоренных народов. Все это вело к формированию колониальных империй, дележу мира между развитыми государствами и войнам между ними за передел уже поделенного мира. Эта тенденция развития завершилась Второй мировой войной и научно-технической революцией. Дальше она продолжаться не могла, поскольку было создано оружие, способное уничтожить на Земле все живое.

Первоначально распространение индустриального производства и европейской культуры было воспринято одними как необходимая, другими – как недопустимая вестернизация, как навязывание другим культурам образцов, характерных для европейского образа жизни с его системой социальных институтов, норм и цен-

ностей. Конечно, все это было. И обвинения Запада не беспочвенны. Но на самом деле оказалось, что за этими процессами кроются гораздо более глубокие проблемы.

Нужно различать *тип и форму* цивилизации. Тип цивилизации и цивилизационного развития определяется ее материально-технологической базой, т.е. ее объективными возможностями для деятельности в социально-экономической сфере, которыми она располагает. Форма же цивилизации, как уже говорилось, вытекает из особенностей ее культуры, и прежде всего, культуры духовной. В концепциях локальных цивилизаций отразился тот факт, что создатели концепций сосредоточили внимание именно на культуре. И это естественно, ибо она определяла специфику локальной цивилизации. А поскольку все цивилизации, за исключением европейской, принадлежали традиционному обществу и в этом выражалось то общее, что их объединяло, то данное обстоятельство вообще игнорировалось в их теоретических построениях.

С развитием промышленного производства, независимо от его социального облачения, типологические характеристики цивилизации вообще выдвинулись на первый план. Но в общественном сознании этот процесс отразился как распространение локальной европейской цивилизации. Иначе говоря, тип цивилизации был воспринят как форма. Отсюда и возникло понятие *европоцентризма* в его негативной трактовке.

Однако в послевоенном мире вместе с информационной революцией, бурным развитием новых технологий, распадом колониальной системы и холодной войной постепенно стали выявляться скрытые ранее параметры техногенной цивилизационной парадигмы.

Перед странами, освободившимися от колониального ига, остро встал вопрос о преодолении их экономической отсталости, как условия преодоления бедности. Но для этого надо было развивать собственное современное производство, т.е. опять-таки обращаться за помощью к экономически развитым странам Европы и Америки. Без них решить эту проблему отсталым экономикам было невозможно. Передовые страны сами формировали международные программы помощи странам «третьего мира».

Но, с другой стороны, приход в этот мир экономики и культуры развитых стран мог стать угрозой для традиционной этнической культуры. Отсюда неприятие массовой западной культуры

в этом мире. В то же время картина создается очень пестрая. Так, страны Черной Африки и арабский мир, города и сельские поселения по-разному реагируют на приход иноземной культуры. Но опыт свидетельствует, что политика, не считающаяся с особенностями культуры и привычным образом жизни народов развивающихся стран, не достигает поставленных целей. Первая волна послевоенной модернизации потерпела полный крах. Если заострить проблему, то можно сказать, что возникла совершенно тупиковая ситуация: оказалось невозможным безболезненно ни принять, ни отвергнуть технико-экономическую помощь Запада.

Первенство в определении путей выхода из этого тупика принадлежит странам Восточной Азии, и прежде всего Японии. Хотя она уже до войны имела свою промышленность, но военные разрушения и почти полное отсутствие природных ресурсов поставили ее в очень тяжелое положение. И страна стала искать решение своих экономических проблем на путях технологического прогресса. Огромные средства государство тратило на покупку лицензий. Новые технологии японские фирмы и их эмиссары искали по всему миру. Государство строго следило за тем, чтобы эти технологии становились достоянием не одной, а многих фирм, поднимали уровень производства в стране.

Второй, а может быть, и первой по значению опорой экономического роста было развитие образования, подготовка профессиональных кадров, способных работать с новой техникой и организовывать производство. Эта политика принесла свои плоды. Япония преодолела разруху и вскоре стала одним из лидеров экономического роста. И, что очень существенно для нашей темы, эти процессы не подорвали значения и влияния традиционной национальной духовной культуры. Япония сблизилась с Западом, но не стала страной европейской культуры, осталась особой цивилизацией. Аналогичную модель использовал ряд малых стран этого региона – Южная Корея, Тайвань и др., а с конца 1970-х гг. по этому пути пошел Китай с его древнейшей духовной культурой, от которой он и не намерен отказываться во имя технологического прогресса.

Таким образом, сама жизненная практика доказала, что типологические характеристики техногенной цивилизации вполне соединимы не только с европейской духовной культурой. Различные

локальные цивилизации способны формироваться не только на традиционной, но и на техногенной основе. И в этом случае образование цивилизации возможно, если существует достаточно мощная культура, способная выполнить функцию формообразования, придать цивилизации конкретную специфику.

Из всего этого следует вывод, что многообразии цивилизаций – факт не только исторического прошлого. Локальные цивилизации вовсе не стремятся уйти с исторической арены. Они утверждают свое бытие и в настоящем, на новой основе. При этом они сталкиваются с тем, что удержать свою специфику становится все труднее, ибо в мире резко возрастают интегративные тенденции – экономические связи, взаимодействие культур и особенно развитие информационных технологий. Набирают силы процессы глобализации. В этих условиях, чтобы сохраниться, надо либо выключиться из этих процессов, либо уметь им и следовать, и противостоять. На это способны далеко не все культуры. Но цивилизация существует, если образующая ее культура обладает качественной границей, ограждающей ее от волн глобализации. Именно этот фактор позволяет сохранить многообразие цивилизаций техногенного типа.

Возникает вопрос о будущем этого многообразия: или оно останется на всю обозримую перспективу, или произойдет слияние национальных и цивилизационных культур и их заменит единая мировая цивилизация единого человечества, как предполагали еще основоположники марксизма.

Второй вариант в наше время выглядит утопичным, и потому цивилизацию будущего, видимо, можно представить, как и современную, в виде *единства многообразия цивилизаций техногенного типа*⁴. Ведь слияние культур равнозначно огромным культурным потерям для человечества, которое лишается своего красочного культурного многообразия, становится серым и одноликим. Признать подобную перспективу возможно только, если согласиться с тем, что цивилизация стареет и движется к своему концу. Но если цивилизация одна, значит, конец ожидает и само человечество. Печальный финал! Но эта мыслимая тенденция является косвенным доказательством того, что многообразие культур и цивилизаций есть выражение жизненной энергии человеческого рода, а признание сохранения его в будущем – утверждением оптимистического взгляда на перспективу.

Но различия ведут к противоречиям. При наличии мощной техники, которой владеет человечество, нельзя допускать разрастания *межцивилизационных противоречий*. Решение этой задачи становится одним из условий выживания человеческого рода. Актуальность этой темы подтвердил тот широкий отклик во всем мире, который получила публикация в 1993 г. статьи американского политолога С.Хантингтона «Столкновение цивилизаций?»⁵. Это было предупреждение Западу не обострять отношения с мусульманской цивилизацией. Но тогдашняя американская администрация не прислушалась к этому предупреждению. Однако обсуждение этой темы стимулировало постановку вопроса о *диалоге культур* и цивилизаций, как противовесе их столкновению. ООН провозгласила его «ключевой проблемой современности»⁶. Диалог должен расширять сферу взаимопонимания и способствовать формированию общих ценностей и подходов к решению возникающих проблем. В этих условиях взаимодействие цивилизаций и диалог культур выдвигаются на первый план⁷.

Подведем итоги. Конечно, в мире сохраняются социально-экономические противоречия между классами, между богатым Севером и бедным Югом. В наше время с ними переплетаются и другого рода противоречия, вызванные различиями и различными условиями существования культур и цивилизаций.

Однако разрешения этих противоречий следует искать не в устранении различий, а в диалоге, с помощью которого достигается согласие между государствами, единство культур, смягчение и снятие межцивилизационных противоречий.

Наконец, имеется еще одна группа противоречий, касающихся естественных предпосылок и условий существования человеческого рода. Цивилизация должна устранить тот вред, который она нанесла природе, особенно в последние два столетия, установить с ней гармоничные отношения. Это очень трудная задача, ибо угроза экологической катастрофы реально нависла над человечеством. Так, Альберт Гор назвал глобальное потепление предупреждением о приближении «самой страшной катастрофы в истории человеческой цивилизации»⁸.

Будущее не сулит человеку покоя и разрешения всех противоречий. Цивилизация по-прежнему будет порождать противоречия, и люди будут искать пути и способы их преодоления. Но пока она

остается тем социокультурным образованием, в которое встроены и интегративные механизмы, призванные обеспечить возможность самосохранения и устойчивого развития человечества.

Примечания

- ¹ Характеризуя ранние первобытные культуры, Э.Тэйлор писал, что их рост «гораздо скорее может быть вызван иноземным влиянием, чем туземным. Культура есть растение, которое чаще бывает распространяемо, чем развивается само» (*Тэйлор Э.* Первобытная культура. М., 1939. С. 31).
- ² В нашу философскую литературу понятие техногенной цивилизации как особого типа цивилизационного развития, отличающегося от традиционного типа, ввел В.С.Стёпин. См.: *Стёпин В.С.* Научное познание и ценности техногенной цивилизации // *Вопр. философии.* 1989. № 10; *Он же.* Эпоха перемен и сценарии будущего. М., 1996. С. 30–43.
- ³ См.: *Дилигенский Г.Г.* «Конец истории» или смена цивилизаций? // *Цивилизации.* Вып. 2. М., 1993. С. 44–69.
- ⁴ «В условиях современной цивилизации, бесспорно, растет взаимозависимость государств. Но в то же время было бы неправильно относить к числу едва ли не главных ее последствий – нивелировку социокультурных различий между странами, принижение роли и значения своеобразия национально-исторических традиций народов... многообразие цивилизаций не только не ослабляет, а, напротив, еще более подчеркивает важность поисков путей укрепления их взаимопонимания и мирного сотрудничества» (*Тимофеев Т.* Введение // *Вызовы XXI века.* М., 2007. С. 9).
- ⁵ В 1996 г. С.Хантингтон издал книгу, в которой развил идеи статьи. Русский перевод см.: *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003.
- ⁶ *Диалог цивилизаций.* Повестка дня. М., 2005. С. 5.
- ⁷ По этому вопросу В.И.Толстых справедливо утверждает, что люди только начинают «солидарную ответственность за жизнь на планете Земля, которую еще предстоит превратить в общий дом всего человечества. Необходимой предпосылкой и условием становления и распространения такого мировоззрения является признание и сохранение многообразия мира, представляющего собой общечеловеческую ценность и гарантию устойчивости мирового социума» (*Диалог культур в глобализующемся мире.* М., 2005. С. 160).
- ⁸ *Гор А.* Неудобная правда. СПб., 2007. С. 2.